
Александр фон Гумбольдт и научная политика*

© 2021 г. А.Ю. Антоновский

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки»,
Москва, 105062, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2;

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Поступила 18.06.2020

В условиях глубокой специализации дисциплинарно-фрагментированное научное сообщество не может полноценно участвовать в общественно-политической жизни как самостоятельный и равноправный игрок. Обращаясь к фигуре Александра фон Гумбольдта, автор реконструирует возможный «обходной путь» влияния ученых на политику и управление наукой. Значение братьев Гумбольдтов для мировой науки в целом и для России в частности трудно переоценить. Александр фон Гумбольдт был специалистом в самом широком спектре дисциплин: астрономии, геологии, минералогии, химии, биологии и многих других. Он стоял у истоков современной географии. Сегодня его называют провозвестником глобализированной науки. При этом именно во время его путешествия была, наконец, замкнута первая мировая глобальная сеть научных исследований, знаменитая сеть гео-станций, позволившая фактически одновременно фиксировать природные и климатические изменения на территории Европы, России, США. Сегодня, в век фатальных экологических изменений актуальность этого начинания, наконец, стала очевидной. В статье проводится мысль о возможности взаимовыгодного «рационального обмена» между наукой и политикой, который интерпретируется автором в системно-коммуникативном понятии «структурного сопряжения».

Ключевые слова: Александр Гумбольдт, научная политика.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-24-28

Цитирование: Антоновский А.Ю. Александр фон Гумбольдт и научная политика // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 24–28.

* Работа выполнена в рамках проекта «Русского общества истории и философии науки», поддержанного грантом РФФИ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Alexander von Humboldt and Science Policy*

© 2021 Alexander Yu. Antonovskiy

Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”, 1/36, bd. 2, Lyalin lane, Moscow, 105062, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Received 18.06.2020

In conditions of deep social differentiation, science, apparently, is not capable of internal integration. As a result, it cannot fully participate in political life as an independent and equal subject. Turning to the figure of Alexander von Humboldt, the author reconstructs a certain “workaround” of the possible influence of scientists on politics and science management. The importance of the Humboldt brothers for world science in general and Russia, in particular, can hardly be overestimated. Alexander von Humboldt was a specialist in the widest range of disciplines: astronomy, geology, mineralogy, chemistry, biology, and many others. He stood at the origins of modern geography. Today he is called the herald of globalized science. At the same time, during his journey, the first world global network of scientific research was finally completed, the famous network of geological stations, which made it possible to simultaneously record natural and climatic changes in Europe, Russia, and the United States. Today, in an age of fatal environmental change, this endeavor’s relevance has finally become common knowledge. The article proposes the idea of the possibility of a mutually beneficial “rational exchange” between science and politics, which is interpreted by the author in the systemic-communicative concept of “structural conjugation”.

Keywords: Alexander von Humboldt, Science Policy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-24-28

Citation: Antonovskiy, Alexander Yu. (2021) “Alexander von Humboldt and Science Policy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2021), pp. 24–28.

Фигура Гумбольдта хорошо вписывается в знаменитое разделение Флориана Знаниецкого на «людей действия» и «людей знания» [Бараш 2013]. Из него, очевидно, следует, что наука как сообщество не способна выступить политическим субъектом и, притязая на политическую функцию, утрачивает функции исследования. Теоретическое обоснование этому разделению мы обнаруживаем в системно-коммуникативной теории (Н. Луман): научные коммуникации образуют системные последовательности, ориентируясь на обще-удостоверенное переживание реальности (бинарный код *истина/ложь*). Коллективно-обязательные решения политиков, напротив, фактически не обоснованы ссылками на реальность, но ориентированы на перепады власти, а любой аргумент «от реальности» заведомо проигрывает соответствующей политической мотивации. И все-таки научные коммуникации могут принуждать политику к реагированию. Результат научного исследования сегодня стал значимым фактором политического дискурса. Во многом это явилось следствием новой коммуникативной реальности. Сегодня наука и в нашей стране, и за рубежом становится частью социальных движений в их самом широком понимании. Ведь ее предположения снабжаются не только ин-

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 19-18-00494 «The mission of the scientist in the modern world: science as profession and vocation».

дексом истинности, но и индексом опасности, алармизма, в том что касается экологии и перспектив общественного развития.

При этом философы и ученые и раньше нередко притязали на политические роли. Все они в какой-то степени реализовали идеал мудреца-мыслителя, способного занять политическую позицию: то есть ограничить политический произвол и заставить учитывать резоны, реальность и опыт, а не только перспективу максимизации власти. В XVII в. идеи самоорганизации ученых как выделенного сообщества переживают кульминацию. Никола-Клод Фабри де Пейреск пересоздает «Республику ученых» (*Respublica literaria*). Впрочем, это не имело политических последствий, а ученые так и не смогли выделиться в политически заметное сообщество, хотя и рекрутируются политиками именно как незаинтересованные наблюдатели, как не-политики и не-конкуренты. Они образуют штат советников, но не самостоятельный политический институт, действуют поодиночке, и если выступают политиками, то терпят фиаско, не имея возможности сформулировать собственный коллективный интерес и согласовать соответствующее коллективное действие.

Из этого правила есть исключения. Так, группа ученых (лингвисты В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, А. Гумбольдт и др.) реализуют проект Гумбольдтовского университета, своего рода «Академгородка», соединившего функции научного исследования и образования [Антоновский, Шлейермахер 2018]. В этом контексте «политизации ученых» (и, возможно, как реакция на него) несколько неожиданным выглядит знаменитое выступление Макса Вебера в ноябре 1917 г., наложившего эксплицитный этический запрет на участие ученых в политической жизни. Общественный авторитет ученого, по Веберу, базируется на знании (истине, объективности) и не может использоваться для обоснования ценностей, оправдывающих соответствующее им коллективное политическое действие. В лице Вебера наука запрещает себе политические притязания, и коммуникация, стилизованная как связь переживаний (опыта и знания), окончательно обособляется от коммуникации, стилизованной как связь действий (политика) [Антоновский 2018; Пружинин 2019; Столярова 2019; Щедрина 2019]. Значит ли это, что в условиях глубокой системно-коммуникативной дифференциации наука (в свою очередь дифференцированная дисциплинарно) неспособна к внутренней интеграции и, как следствие, не может полноценно участвовать в политической жизни, защищать собственные интересы в борьбе с влиятельными игроками (экономическими и политическими субъектами)?

Для ответа на этот вопрос было бы уместно вернуться к фигуре Александра фон Гумбольдта, иллюстрирующей некий «обходной путь» возможного влияния ученых на политику. Наука генерирует ресурсы, которые может поставлять в распоряжение других систем (хозяйства, политики, образования), и в этом смысле способна вступить с политической системой в соответствующие «торговые» отношения и даже сделки. Случай А. фон Гумбольдта, как мне кажется, доказывает возможность такого взаимовыгодного «рационального обмена». Напомним, что Россия в первой четверти XIX в. переживала тяжелый экономический кризис, последовавший за наполеоновским нашествием и выразившийся в числе прочего в гиперинфляции и истощении финансовых ресурсов. В этих условиях министр финансов граф Егор Канкрин обращается к Гумбольдту с просьбой поддержать его своим авторитетом по двум хозяйственно-значимым вопросам и обосновать, что в стране наличествуют промышленные залежи платины и что платина по своим промышленным и монетарным свойствам не уступает золоту. Поначалу Гумбольдт не разделял этих идей Канкрин. Однако в обмен на поддержку и соответствующее научное обоснование Гумбольдт получает карт-бланш на решение собственных исследовательских задач и отправляется в знаменитое Сибирское путешествие¹.

На наш взгляд, этот случай хорошо иллюстрирует то, каким образом наука может входить в «структурное сопряжение» с политической системой [Касавин 2017]. «Структурные сопряжения» отнюдь не означают преодоления коммуникативных разрывов между наукой и политикой. Коммуникации полностью сохраняют свою системную

замкнутость и ориентированность на соответствующие бинарные коды *истина/ложь* и *власть/оппозиция*. И все-таки результаты научных исследований в этом случае конвертируются в политические решения, а эти решения в свою очередь становятся важными вехами развития науки. Более того, этот случай показывает, что научная коммуникация уже в достаточной степени обособилась и от экономических медиа. Так, наши немецкие коллеги из фонда Гумбольдта постоянно подчеркивают тот факт, что Гумбольдт, выполнив исследовательские задачи, возвращает царю оставшиеся деньги. Другими словами, научное предприятие не ориентировано на «прибыль», а вознаграждение ученому не может быть оформлено как транзакция. Вознаграждение (и смысл) научной коммуникации – в достижении истины, получении признания и поддержании репутации. В то же время научная коммуникация обособилась и политически. В рамках структурного сопряжения (или рационального обмена) Гумбольдт демонстративно воздерживается от публичных политических суждений. Хотя приватно (в особенности в дневниках) и осуждает все формы социальной несправедливости (и в «Новой Испании», и в России).

Итак, случаи обоих Гумбольдтов указывают на начало становления субъектности науки, пусть и некими обходными путями: через интеграцию науки и образования, как его эффект – возможность обмениваться ресурсами с хозяйством и политикой, получая субсидии в обмен на выполнение «госзадания». При этом такое сопряжение не подчиняет автономные системы науки и политику друг другу. Царь в обмен на решение прикладных задач, поставленных Канкрином Гумбольдту, не препятствует последнему преследовать собственные научно-фундаментальные исследовательские цели.

Примечание

¹ В условиях николаевской России на возможности передвижения были наложены серьезные ограничения. И здесь нужно отдать должное ученому, сумевшему максимизировать свой «научный» ресурс. В частности, Гумбольдт заявил о том, что предсказал и обнаружил на Урале первые алмазы Европы, которые были им подарены дочерям императора. Однако по другим достаточно достоверным данным (*Journal de St.-Petersbourg*, 1829, № 135 от 9 ноября), алмазные залежи были предсказаны отечественными геологами и случайно обнаружены подростком П. Поповым. Как бы то ни было, это позволило Гумбольдту в нарушение распоряжения царя – и без последствий за это ослушание – отправиться с научными целями вглубь страны.

Ссылки – References in Russian

- Бараш 2013 – Бараш Р.Э. Роберт Кинг Мертон и Флориан Знанецкий о «людях знания» и «людях действия» // *Epistemology & Philosophy of science*. 2013. Т. 37. № 3. С. 205–228.
- Антоновский 2015 – Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание // *Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 45–57.
- Антоновский, Шлейермахер 2018 – Антоновский А.Ю., Шлейермахер Ф. Из сочинения «Нечаянные мысли о духе немецких университетов» // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 1. С. 215–235.
- Касавин 2017 – Касавин И.Т. Нормы в познании и познание норм // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.
- Пружинин 2019 – Пружинин Б.И. Наука как профессия и как феномен культуры // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 5–9.
- Столярова 2019 – Столярова О.Е. Можно ли говорить о грехопадении науки? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Т. 56. № 3. С. 45–50.
- Щедрина 2019 – Щедрина Т.Г. Призвание или профессия? К вопросу о культурно-историческом смысле научного познания в докладе М. Вебера // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 33–37.

References

- Barash, Raisa E. (2013) “Robert King Merton and Florian Znaniecki about *people of knowledge* and *people of action*”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 37, No. 3, pp. 205–228 (in Russian).
- Antonovski, Alexander Yu. (2015) “Understanding and Consensus in Scientific Communication”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2, pp. 45–57 (in Russian).

Antonovski, Alexander Yu., Schleiermacher, Friedrich D.E. (2018) "Gelegentliche Gedanken über den Universitäten in Deutschland", *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 1, pp. 215–235 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2017) "Norms in Cognition and Cognition of Norms", *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 54, No. 4, pp. 8–19 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2019) "Science as a Vocation and as a Cultural Phenomenon", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8, pp. 5–9 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2019) "To the Question of the Cultural-historical Sense of Scientific Knowledge in the Report of M. Weber", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8, pp. 33–37 (in Russian).

Stoliarova, Olga E. (2019) "Can We Talk about the Fall of Science?", *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 3, pp. 45–50 (in Russian).

Сведения об авторе

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич –
доктор философских наук, научный сотрудник
МРОО Русского общества истории
и философии науки, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.

Author's Information

ANTONOVSKIY Alexander Yu. –
DSc in Philosophy, Research Fellow
at the Russian Society for History and Philosophy
of Science, Leading Researcher
of the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.